

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

А. К. Боровков

ЛЕКСИКА
СРЕДНЕАЗИАТСКОГО
ТЕФСРА
XII—XIII вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

ВВЕДЕНИЕ

Период с XI по XV в. является наиболее сложным в истории тюркских языков Средней Азии из-за исторически обусловленного процесса распространения книжных языков и малой изученности памятников этой эпохи.

Ближайшие задачи исследования многочисленных еще недостаточно изученных вопросов истории древнетюркских языков заключаются, по-видимому, в освоении непосредственного языкового материала. В этом можно согласиться с проф. С. Е. Маловым, который справедливо замечал, что вместо декларативных высказываний о древних языках теперь пришло время с фактами в руках решать многие из этих вопросов¹.

Памятников XII–XIV вв. на тюркских языках известно немного, в том числе и памятников среднеазиатского происхождения. Именно поэтому рукопись среднеазиатского тefsira из г. Карши сразу привлекла к себе внимание тюркологов языковыми особенностями, весьма существенными для изучения истории тюркских языков².

¹ С. Е. Малов, *Енисейская письменность тюрков*, М.—Л., 1952, стр. 6.

² ЗВОРАО, XXIII, вып. III–IV, Пг., 1916, стр. 249; Азиатский музей Российской Академии наук, *Краткая памятка*, Пг., 1920, стр. 41; W. Barthold, *Ein Denkmal aus der Zeit der Verbreitung der Islams in Mittelasien* — *Asia Major*, II, Fasc. I, 1925, ss. 125–127; Köprülü M. Fuad, *Türk edebiyatı tarihi*, İstanbul, 1926, ss. 190–193. См.: А. К. Боровков, *Ценный источник для истории узбекского языка*, — «ИАН СССР ОЛЯ», VIII, вып. I, январь-февраль, 1949, стр. 67–76; А. К. Боровков, *Очерки истории узбекского языка II*, — «Советское востоковедение», VI, М.—Л., 1949, стр. 24–51; А. К. Боровков, *Из материалов для истории узбекского языка*, — «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 73–79; А. К. Боровков, *Рукопись и особенности языка среднеазиатского тefsira XII–XIII вв.*, — «Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР», XVI, М.—Л., 1952.

Среднеазиатский тефсир представляет собой подстрочный перевод Корана с суры XVIII и комментарии. В первой части тефсира в конце каждой суры приводятся рассказы на сюжеты данной суры, во второй же части, начиная с суры XLIX, комментариями, как правило, сопровождается перевод отдельных стихов. Имена составителя и переписчика в тефсире не упоминаются, даты составления и переписки неизвестны.

Тюркских подстрочных переводов Корана известно довольно много³. Турецкий фольклорист и лингвист Абдулкадир Инан установил, что среднеазиатский тефсир по языку очень близок переводу Корана, хранящемуся в Турции в «Музее тюркских и исламских произведений». Этот список переписан в 1333 г.⁴

Переписчик — Мухаммед б. ал-Хадж Девлетшах аш-Ширази. По справедливому мнению А. Инана, в основе обоих списков (т. е. списка 1333 г. и среднеазиатского тефсира) лежит общий первоисточник — более древний список, с которым обе рукописи связаны⁵.

Сравнительное изучение в первую очередь двух упомянутых близких списков тефсира должно составить специальную задачу наряду с освещением более широкой проблемы истории тюрк-

ских переводов коранического текста. Наибольший интерес в среднеазиатском тефсире вызывает область лексики, которая имеет вполне самостоятельное значение, поскольку подстрочный перевод приближает этот памятник в известной мере к сочинениям словарного характера. Учитывая эту особенность среднеазиатского тефсира и то обстоятельство, что самый текст не представляет интереса, мне показалось правильным выделить лексический материал этого памятника, тем более что я предполагаю также издать словарные материалы (тюркские глоссы) по рукописям известного сочинения Замахшари «Муқаддимат ал-адаб», близкого по времени нашему тефсиру.

Порядок алфавита в глоссарии: *a, ä (e), б, ш, г, б, д; дж, ж, ѓ, з, і, ї, j, к, қ, л, м, н, њ, о, ө, п, р, с, т, у, ў, ф, х, һ, һ, ч, ш.*

Транслитерация арабских букв во многих случаях неизбежно приобретает весьма условный характер. Особенно условна передача гласных и согласных *к||г, ч||дж* и *б||п*, поскольку в рукописи эти знаки обычно не различаются. В сомнительных случаях, когда трудно установить наличие глухого *к* или соответственно звонкого *г* (между гласными в абсолютном конце слова), условно употребляются знаки *к* (т. е. может быть глухой *к* или звонкий *г*) и *г* (скорее всего звонкий *г*, но может быть и глухой *к*).

Также следует оговорить употребление знака *a/e*. Им обозначается гласный в начале слова, который в арабской графике передается буквой «алиф» (*a*) или сочетанием «алиф» + «йа» (*e*).

При каждом слове по возможности приводится фразеология, подтверждающая выделенные значения данного слова, и даются ссылки на другие источники и словари.

I

При современном состоянии изучения истории тюркских языков весьма трудно проследить процесс их образования и развития в ранние периоды. Теперь все с большей определенностью выясняется, что древнейшие известные нам памятники тюркской письменности в отношении языка неоднородны и отражают особенности диалектов, существовавших в эпоху появления этих памятников. В «Диване турецких языков»

³ Abdülkadir Erdoğan, *Kur'an tercümelerinin dil bakımından değerleri*, — «Vakıflar Dergisi», Sayı I, Ankara, 1938, s. 47; A. Zajączkowski, *Studia nad językiem staroosmanskim*, II. *Wybrane rozdziały z anatołijskotureckiego przekładu Koranu*, Kraków, 1937, S. VII—XV.

⁴ См. А. Erdoğan, *Kur'an tercümelerinin dil bakımından değerleri*, s. 47—48.

⁵ Abdülkadir İnan, *Eski türkçe üç Kuran terçümesi*, — «Türk Dili», N 6, 1952, s. 14. — А. Инан упрекнул меня в том, что в опубликованном отрывке из среднеазиатского тефсира (см. А. К. Боровков, *Из материалов для истории узбекского языка...*) транскрипция будто бы тенденциозно передает особенности современного узбекского языка, поскольку не подчеркнута различия гласных переднего ряда *i* и заднего *ı*. Однако в пояснениях к опубликованному тексту из тефсира «О семи спящих отроках» специально оговорено, что «текст повести приводится в упрощенной транслитерации», и передача буквы «йа» одним знаком *i* рассматривалась мной как условность. Но во всяком случае правильнее было бы избегать такого рода упрощений. Кроме того, А. Инан считает неправомерным связывать язык среднеазиатского тефсира с историей узбекского языка. К этому вопросу нам придется вернуться ниже. [См. также А. İnan, *Eski Kuran terçümelerinin dili meselesi*, — «Türk Dili», N 7, 1952, s. 22.]

Махмуда Кашгарского, памятнике XI в., представлена очень сложная картина диалектального разнообразия тюркских языков, сложившаяся к этому периоду и во многом близкая их современному состоянию, современной группировке.

Представление о единстве языка енисейско-орхонских надписей сменилось признанием наличия в них диалектальных особенностей. Это усилило внимание к языку отдельных памятников⁶.

В древнейших памятниках тюркской письменности на различных алфавитах, согласно теории А. Габэн, прослеживаются четыре диалекта: диалект енисейско-орхонских надписей, *j*-диалект, *n*-диалект, диалект рукописей, написанных алфавитом «брахми». Большой интерес представляют соображения А. Габэн по поводу *j*-диалекта и *n*-диалекта, названных так условно по соответствию *j*||*n*, например: *ajīb*||*anīb*|| более древнее *anīb* 'дурной', *kaju*||*qanu*||*qanjū* 'кто', 'какой', *qoj*||*qon*||*qonj* 'овца', *čibaj*||*čibān*||*čibānj* 'бедняк', *qitaj*||*qitanj* 'название народа' и т. д.

Первый — *j*-диалект — представлен рукописями буддийского содержания, позднеманьчжурскими рукописями и значительной частью рукописей светского характера. Второй — *n*-диалект — отражен в рукописях манихейского содержания. Различия между этими двумя диалектами, помимо соответствия *j*||*n*, распространяются на ряд других фонетических и морфологических фактов. Наиболее отличительной фонетической чертой *n*-диалекта является наличие широких гласных *a*, *ä* в суффиксах и в следующих после первого слогах именных основ вместо узких *i*, *ī*, *u*, *ū*, что свойственно *j*-диалекту, например: *-лаб*, *-läg* (вм. *-лīb*, *-līg*, *-луб*, *-lūg*), *-маш*, *-mäš* (вм. *-mīš*, *-mīš*, *-муш*, *-mūš*), *-тан*, *-дан*, *-tān*, *-dān* (вм. *-dīn*, *-dīn*), *-наң*, *-nāң* (вм. *-nīң*, *-nīң* и т. д.) и т. п.; ср. *bāgnāң* 'бека' (род. пад.), *kīšīnāң* 'человека' (род. пад.), *ībачаб* 'дерево' (вин. пад. вм. *ībач-īb*), *tāmīrāg* 'железо' (вин. пад. вм. *tāmīr-īg*), *tāmīrān* 'железом' (инстр. пад. вм. *tāmīr-īn*), *unīталам* (повелительная форма 1-го л. мн. ч. вм. *unīталīm*) 'забудем-ка мы', *janчалаңлар* (повелительная форма 2-го л. мн. ч. вм. *janчалаңлар*)

⁶ Ср. С. Е. Малов, *Енисейская письменность тюрков*, стр. 6.

'будьте утесненными, подавленными', *абаз* (вм. *абіз*) 'рот' и т. д.

Для рукописей, написанных на «брахми», отличающихся неустойчивостью в орфографии, характерно различие долгих, кратких и редуцированных гласных, наличие гласных *o* и *ö* в следующих после первого слогах (например: *полсом* 'если бы я был' и т. п.), нерегулярность глухих и звонких согласных (например: *ätkü*~*ädgü* 'хороший', *adhlib*~*atlib* 'называемый', 'по имени' и т. д.⁷).

В. В. Радлов предполагал, что наряду с языком орхонских надписей, бытовавшем на обширной территории с центром в Турфанском оазисе, существовал другой древний тюркский литературный язык, сложившийся на почве ряда тюркских диалектов. Этот язык постепенно изменялся под влиянием разговорного языка, вследствие переселений представителей разных тюркских диалектов и сношений с тюркскими племенами, жившими западнее. Распространен он был к югу и к северу от Тяньшаня⁸. В. В. Радлов отличал этот литературный язык также и от древнеуйгурского, на котором написана буддийская сутра «Тишаствустик» в тюркской переработке⁹.

Пока еще неясно, какие тюркские языки были распространены в древности в Средней Азии и каково было их отношение к тюркским языкам Центральной Азии, т. е. к языку енисейско-орхонских надписей и древнеуйгурскому. Проф. С. Е. Малов высказал предположение, что самый древний тюркский памятник, так называемая «Покаянная молитва манихейцев» относится примерно к V в. н. э. и ведет свое происхождение из Средней, а не из Центральной Азии¹⁰.

По мнению проф. С. Е. Малова, в Центральной и Средней Азии первоначально существовал в широком историческом

⁷ A. von Gabain, *Altürkische Grammatik*, Leipzig, 1950, S. 3—8.

⁸ W. Radloff, *Die vorislamischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben*, — «Известия Академии наук», 1908, стр. 842.

⁹ W. Radloff, *Ṭiṣastvustik. Ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sutra*, — «Bibl. Buddhica», XII, St.-Petersburg, 1910, S. V.

¹⁰ С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М. — Л., 1951, стр. 108.

плане литературный восточнотюркский *ð*-язык. Ему на смену пришел литературный западнотюркский *j*-язык (получивший позднее название «чагатайского»¹¹), который постепенно вытеснил отовсюду *ð*-язык. В результате этого происходил процесс изменения диалектальной основы литературного языка. Параллельно шел процесс замены рунического и древнеуйгурского алфавита арабской письменностью. К этой переходной эпохе (XI—XIV вв.) должен быть по языку отнесен наш памятник.

Нас прежде всего интересуют два вопроса: вопрос о преемственности в развитии литературных тюркских языков в Средней Азии и вопрос о диалектальной основе языка различных памятников этой эпохи, в первую очередь среднеазиатского тефсира.

До сего времени была известна одна теория развития единого среднеазиатско-тюркского языка XI—XVI вв. с тремя периодами: караханидским с центром в Кашгаре (XI в.), огузско-кыпчакским с центрами в нижнем течении Сыр-Дарьи и в Хорезме (XII—XIV вв.) и «чагатайским» с рядом центров в оседлой части улуса Чагатая (XV—XVI вв.). Согласно этой теории, принадлежавшей А. Н. Самойловичу и получившей известное признание, язык среднеазиатского тефсира примыкает ближайшим образом к первому караханидскому периоду развития¹².

Слабой стороной теории А. Н. Самойловича является понимание преемственности в развитии литературного языка в виде некоей единой книжной традиции, видоизменявшейся в различные периоды под влиянием диалектальной среды в отдаленных друг от друга культурных центрах. При таком понимании теряется историческая перспектива в развитии «диалектов», определивших особенности литературного языка в каждый период в отдельности, и становятся неясными более ранние их источники.

Кроме того, для доказательства теории трех периодов единого среднеазиатско-тюркского языка приводятся сравнительно немногочисленные, по преимуществу словарные, примеры. Между тем словарные примеры требуют исключитель-

¹¹ С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, стр. 221—222 и 321.

¹² А. Н. Самойлович, *К истории среднеазиатско-тюркского языка*, — Сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 21—22.

ной осторожности и убедительной аргументации, когда речь идет об их диалектальной принадлежности.

В упомянутой выше статье А. Н. Самойловича отдельные слова с излишней категоричностью отнесены к тому или иному диалекту. Например, по поводу слова *орам* (*урам*) 'улица' говорится: «слова *орам*, *ором*, *урам* (Радлов, I, 1052, 1054, 1656) известны только ряду живых диалектов кыпчакской группы: казацкому, караимскому, татарскому, тобольско-татарскому, алтайскому, телеутскому и др. Мы должны признать это слово в „Мухаббет-намэ“ одним из наиболее характерных выявлений местного золотоордынского, именно кыпчакского диалекта»¹³. Но ведь помимо того, что слово *урам* встречается в четверостишиях Адиба Ахмеда в «Хибат ал-хака'иқ» (в выражении *харабат урами*, что Неджиб Асим перевел «кабак», «питейная лавка», а С. Е. Малов — «улицы с трактирами»), оно известно еще и в современном турецком языке (*uram* 'квартал', 'район города'). В нашем тефсире слово *урам* (*орам*) употреблено один раз в смысле «город», «селение»: *муқабіл қілмаз сізің бірләй мәғяр урамлар* (اوراملار) *ичиндә һисарланмиш болса ја там* (82, 17) 'не будут сражаться с вами разве только в городах, если они укреплены (араб. *الْأَفَى فُرَى مَحَصَّنَةٍ*), или за стенами' (Сура 59, ст. 14). Следует еще напомнить, что Радлов (I, 1052) привел название квартала в Хиве *нан jemäs урамї*. В Средней Азии слово *урам* повсюду вытеснено таджикско-персидским *коча* или *кој*: узб. *кўча*, туркм. *коче*, *кочө*, каз. *көше* 'улица'. Не исключено, что слово *урам* проникло в Поволжье в золотоордынскую эпоху из Хорезма [ср. тат., баш., чув. *урам*; алт. *ороом* (конд. *орам*) 'улица'].

С такой же категоричностью А. Н. Самойлович утверждает, что принадлежность глагола *чәврүлмәк* 'кружиться' «...к кыпчакской языковой среде подтверждается существованием в говоре трокских караимов слова *чүшүрүл(ү)* (Радлов, III, 2203)». И в этом случае наличие глагола *чөрүл-* 'вращаться', 'вертеться', 'повертываться' в уйгурском хамийском диалекте¹⁴

¹³ А. Н. Самойлович, *К истории среднеазиатско-тюркского языка*, стр. 12.

¹⁴ С. Е. Малов, *Уйгурский язык*, М.—Л., 1954, стр. 196.

и в туркменском — *чбарўлмек*: 'быть вывернутым наизнанку' и т. п. — исключает принадлежность упомянутого слова только к кыпчакскому диалекту».

При слове *яқту* 'светлый' из «Муҳаббат-наме» и «Қисса-и Юсуф» приведено только казанско-татарское *яқты, джақты* 'свет', что также должно, видимо, указывать на «кыпчакский» источник, но не привлечено туркменское *јаһті* 'светлый'. Кстати сказать, в нашем тефсире встречается *јаһті ~ јахту* 'свет', 'светлый', в старотурецком переводе «Калилы и Димны» — *јаһтуту* 'светлый', 'яркий'¹⁵ и в старотурецком тефсире — *јақду* 'свет', 'блеск'¹⁶.

Таким образом, общий вывод, что слова, употребленные как в «Муҳаббат-наме», так и в «Қисса-и Юсуф», относятся к трем главнейшим источникам, именно: восточно-туркестанскому литературному языку, т. е. кашгарскому или караханидскому, и диалектам кыпчакскому и огузскому, которые существовали в XII—XIV вв. в пределах Золотой Орды или улуса Джучи и в частности в восточной части этого улуса — в Хорезме, требует критической проверки¹⁷.

Бесспорно, в Средней Азии существовала древняя литературная огузско-туркменская традиция наряду с «восточно-тюркской», или караханидской, но содержание понятия «кыпчакский диалект» в XII—XIV вв. необходимо уточнить при помощи новых исследований памятников этой эпохи.

По справедливому предложению проф. С. Е. Малова, языковые новшества, проникавшие в «переходный» период XI—XIV вв. в литературный *д*-язык, «...на западе появились в очень древнее время»¹⁸. Отсюда следует, что в Средней Азии могли издревле существовать диалектальные источники различных тюркских литературных языков, чего не учитывает теория трех периодов развития единого среднеазиатско-тюркского языка.

¹⁵ А. Zajęczkowski, *Studia nad językiem staroosamnskim*, I, Krakow, 1934, стр. 129.

¹⁶ А. Zajęczkowski, *Studia nad językiem staroosamnskim*, II, Krakow, 1937. — Ср. узб. (устар.) *рӯди* 'свет', 'луч'.

¹⁷ Ср. А. Н. Самойлович, *К истории среднеазиатско-турецкого языка*, стр. 12 и 15.

¹⁸ С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, стр. 321.

Установить дату написания среднеазиатского тефсира довольно трудно, поскольку нет прямых указаний на это в самом тексте, а также ввиду невыясненности вопроса о его первоисточниках. В. В. Бартольд был склонен отнести среднеазиатский тефсир по языку «к более раннему времени, нежели известный памятник XI в. — дидактическую поэму „Кутадгу билиг“»¹⁹.

Примерно в таком же роде высказался проф. Кёпрулю М. Фуад, по мнению которого этот тефсир был написан в Западном Туркестане в конце X или в начале XI в., хотя известный нам список переписан позднее в эпоху тимуридов²⁰.

Близкий во всех отношениях к среднеазиатскому тефсиру список «Музея тюркских и исламских произведений», датированный 1333 г., в известной мере подкрепляет раннюю датировку. А. Эрдоган считал, что оригинал этого второго списка восходит к IV в. хиджры, т. е. к X—XI вв., основываясь, во-первых, на том, что лексика этого списка близка к лексике словаря Махмуда Кашгарского (1073 г.), и, во-вторых, на том, что слова и выражения религиозного характера в нем, как правило, переводятся на тюркский язык, тогда как в более позднюю эпоху слова и выражения такого рода усваивались уже по-арабски или по-персидски²¹.

С этими теоретическими доводами согласен и А. Инан²². Он полагает, что первоначальный, не дошедший до нас список тефсира мог появиться в XI в., примерно через сто лет после принятия караханидами ислама (950 г.) и появления первого таджикско-персидского перевода Корана Табари, осуществленного в Бухаре в 961—976 гг.

Не исключено, что список среднеазиатского тефсира сос-

¹⁹ В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927, стр. 72, прим. 1. — См. Азиатский музей Российской Академии наук, Краткая памятка, Пг., 1920, стр. 41; Э. Р. Тенишев, *Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск»*, автореферат канд. дисс., Л., 1953, стр. 12.

²⁰ Köprülü M. Fuad, *Türk edebiyatı tarihi*, İstanbul, 1928, s. 192.

²¹ А. Erdoğan, *Kur'an tercümelerinin dil bakımından değerleri*, ss. 47—48.

²² А. Inan, *Eski türkçe üf Kuran tercümesi*, s. 14.

влён на основе разных комментариев и с течением времени подновлялся. Это сказалося и на составе тефсира, и на языке, несколько неоднородном в начале и во второй части, от суры XLIX и далее.

Исходной датой нашего тефсира теоретически можно считать конец X в., если допустить возможность появления тюркского перевода с раннего перевода тефсира Табари. Наличие среднеазиатском тефсире терминов монгольской эпохи и более позднего тимуридского времени (*mirzadā*), как это отмечено В. В. Бартольдом, а также новшеств в орфографии и морфологии заставляют предполагать, что наш список переписан в XV в., однако, по всем данным, правильнее считать, что первоначальный перевод и комментарии относятся к II–XIII вв.

Среднеазиатский тефсир принадлежит к памятникам δ -языка, но наряду с δ (δ) нередко появляются z и j , например: قو *qodī* (25^б, 2), قوزى *qozī* (19, 11) и قوچو *qoju* (144, 8) ‘вниз’ т. п. Такого рода случаи отмечены в поздних списках ‘*liṣaṣ al-anbiyā*’ Рабгузи и в сочинении XV в. «Равнак уллам». Это следует объяснить влиянием огузско-туркменской литературной традиции, а именно наличием одного интердентального δ (как в современном туркменском), вследствие чего на сьме смешивались δ и z . В нашем тефсире вообще заметны огузско-туркменские элементы как в лексике, так и в фонетике [подмена начального глухого t звонким δ , например: گۆل (101, 11) ‘не (есть)’, دآگرآ (100, 19) ‘круг’, ‘окрестность’, دؤكسآلآر (133^б, 17) ‘если рассыплю’ и т. д.; отсутствие конечных $-b$ и z после предшествующих узких гласных, например: ulu (19^б, 9) ‘великий’, qapusun (100^б, 8) ‘дверь его’ (вин. пад.), tolu и tolī (106^б, 18) ‘полный’, äl(ä)lī (108, 5) ‘пятьдесят’ и т. п.] и в морфологии [причастие göran ‘видевший’, в единичных случаях дательный падеж на $-a$, $-ä$, например: jerä (70^б, 1) ‘на (в) землю’, aṣaqa (68, 1) ‘вниз’] и т. д.

Очень предположительно можно считать, что огузско-туркменские элементы в известной своей части представляют языковые новшества, например: $\text{dägöl} \sim \text{mägöl}$ ‘не (есть)’, как в отношении этого слова отмечено А. Габэн²³. Однако исто-

рическая перспектива не исключает, а наоборот, подтверждает существование древних источников огузско-туркменской литературной традиции. Свидетельством этому может служить язык орхонских надписей, в котором тюркологи видят «древне-северный огузский» диалект²⁴. Надо принять во внимание все списки «Мукаддимат ал-адаб» Замахшари, чтобы убедиться в том, что огузско-туркменская литературная традиция в XI–XIV вв. в Средней Азии имела очень большое значение. В эту эпоху в Средней Азии с достаточной определенностью обнаружались диалектальные источники караханидско-тюркского, огузско-туркменского и староузбекского литературных языков.

В монгольскую эпоху в долинах Кашка-Дарьи и Зерафшана, а также в южной части Ферганской долины сложились близкие говоры, на основе которых формировался староузбекский язык «чагатайской» эпохи (XV–XVI вв.), получивший широчайшее распространение в Средней Азии и за ее пределами как образец книжного литературного языка.

Уже давно назрела необходимость продолжить тщательное лингвистическое изучение памятников XI–XIV вв., в число которых входит и среднеазиатский тефсир, чтобы выяснить конкретную историческую обстановку образования и развития тюркских литературных языков в эту эпоху и диалектальную почву, на которой они развивались.

III

Тюркологам предстоит многое сделать, чтобы установить более или менее точные критерии исторической лексикографии. Взаимоотношения письменных тюркских языков раннего средневековья, распространение книжной традиции в разные периоды, судьбы отдельных памятников в различной диалектальной среде и влияние других нетюркских языков на развитие тюркской лексики еще недостаточно ясны.

Среднеазиатский тефсир в этом отношении особенно сложен. В первой части его до суры XLIX содержатся подстрочные переводы арабского коранического текста. Затем

²³ А. von Gabain, *Altürkische Grammatik*, S. 108.

²⁴ С. Е. Малоз, *Памятники древнетюркской письменности*, стр. 98.

еврею отдельные стихи или их отдельные части переэжуются краткими или более распространенными их толкованиями. Буквальные переводы подчиняются в каждом случае структуре арабского предложения и совершенно не соответствуют нормам тюркского синтаксиса.

Часто значения слов настолько буквально калькируют соответствующие арабские слова, что понять их можно только в контексте, например: *тақі кәскіл анлардін көрклүг кәсмәк* 13^б, 6) букв. 'и отрежь от них прекрасным отрезанием', е. 'уклонись (отделись) от них прекрасным удалением', где переносное значение глагола *кәс-* 'резать', 'отрезать' обусловлено семантикой арабского глагола *قَطَعَ* 'отрезать', 'отлять', в V породе «отделяться», «удаляться от мира», «одвигаться», или *қапсаді тәгмә нәрсәні билмәк бірләй* 3) 'окружил [т. е. объял] все вещи знанием', где значение глагола *қапса-* 'окружать', 'заворачивать' продиктовано арабским *بَسَطَ* 'окружать', 'захватывать', 'объять' и т. д.

Также глаголы *қорқ-* 'бояться' и *қорқут-* 'пугать', 'устрашить' приобретают специфические переносные значения, например: *қорққанлар* (66,4) 'набожные', 'благочестивые'²⁵, *қутіблі* (37^б,12) 'смирный', *қорқутқан* (97,10) или *қорпбуци* (54^б,9) 'увещатель', 'наставник', 'проповедник', 'сланик' (араб. *надір-ун*), или же *жанмақ* (15^б,4) 'воздаятель', *өртүклүг* (2^б,8) (букв. 'прикрытый', 'с покрывалом') 'тайный', *бәлгүсүзүн* (15^б,7) 'в тайне' (букв. 'неметно') и т. д.

При первом знакомстве со среднеазиатским тевфиром было отмечено, что язык этого памятника является «смешанным северно-южно-турским, очень архаичным языком»²⁶. Такое же мнение высказал В. В. Бартольд; он указал, приводя

²⁵ Переносные значения в этом случае могли появиться на основе знания арабских этимологий: в арабском *rāhib* 'монах' — причастие (букв. 'боящийся') от глагола *rahiba* 'бояться', 'страшиться'; так же в персидском от глагола *tersiden* 'бояться' было образовано слово *tersa* 'христианин' (среднеперс. *tersak*). Существует предположение, что арабское слово *rāhib* было переводом с персидского *tersa*.

²⁶ Азиатский музей Российской Академии наук, Краткая памятка, стр. 41.

ссылки на различные слова для выражения одного понятия, что язык тевфира «относительно не является единым»²⁷.

Последнее обстоятельство, т. е. употребление разных слов в одинаковых значениях, является, действительно, примечательной чертой нашего тевфира. Например: в значении «женщина», «жена» встречаются слова *урабунт*, *хатун*, *'ашрат*, *'ајал*, *кіші*, *тіші*; в значении «рука» — *әл*, *әліг*, *қол*; в значении «река» — *ақар*, *аріқ*, *ірмақ*, *міңар* ('проток', 'источник'); в значении «город» — *ел*, *улус*, *кәнт*, *урам*, *шәһәр*, *шәһрістан*; в значении «вниз» — *асра*, *алтіна* ('под'), *ашақ* (*ашақа*, *ашақба*), *код* (*қоју*) и т. д.

По составу это слова иноязычного (согд. *хатун*, *кәнт*, тадж.-перс. *шәһәр*, араб. *'ашрат*, *'ајал* и т. п.) или различного диалектального происхождения (*әл* и *қол*, *ашақ* и *қод* и т. п.).

Слова различного происхождения, характерные для нашего тевфира, например: *тәлім*, *үкүш*, *көп* 'много'; *кәртү*, *көні* 'верный', 'правильный' и т. д., встречаются и в других памятниках XI—XIV вв., именно: в «Кутадгу билиг», у Махмуда Кашгарского, в «Хибат ал-хақа'иқ» и др.

Неоднородность словаря обусловила в среднеазиатском тевфире наличие большого числа парных словосочетаний из синонимических слов различного происхождения, как бы поясняющих одно другое иногда с помощью специального слова *ја'ні* 'то есть', например: *еш барқ [еші барқі бәјт ул-муқаддасда әрді* (39,16) 'его дом был в Иерусалиме'. — Мал., 366 *аш барқ* (парн.) 'домохозяйство'; *қан қадаш* 'родственники' [*қані қадашіні терді* (28, 20) 'собрал родственников'. — МК, 145 *қар* 'родственник'; ср. Мал., 409 *қа қадаш* (парн.) 'товарищ', 'родственник']; *тоға көзсүз* (25^б,5) или *қарабу көзсіз* (10^б,17) 'слепой' [Мал., 411 *қарағи* 'слепой' в «Кутадгу билиг», стр. 431, *тоға* 'болезнь', *тоға көртәс* в «Хибат ал-хақа'иқ» 'больной слепотой']; *кәнд улус* 'город', 'селение' [*үкүш кәндләр улуслар бар әрді* (39,17) 'было много городов']; *бадчларі өртмәнләрі үзә* (4,3) 'на подпорки' [для виноградника?]; *ортақ еш* (25^б,7) 'соучастник',

²⁷ W. Barthold, *Ein Denkmal aus der Zeit der Verbreitung des Islams in Mittelasien*, S. 127.

‘друг’; *еш дост* (40, 6) ‘друг’ [ср. Мал., 366 *äš* ‘товарищ’, ‘друг’]; *көни кертүлік* (33, 9) или *көнилік дад* (25, 2) ‘истина’, ‘справедливость’ [в обоих случаях перевод араб. *الْحَقُّ*]; ср. Мал., 394 *kirtü*; 395 *könilik* ‘правдивость’ по «Кутадгу билиг»; МК, 112 *köni* ‘справедливый’; ср. туркм. *гөни* ‘прямой’, ‘ровный’, *гөнилик* ‘прямота’, ‘справедливость’; тур. *köni* ‘справедливый’, *könülük* ‘справедливость’; ср. РСл. II, 1243 *көни* (др.-тюрк., уйг., чаг.) ‘прямой’, ‘верный’, ‘справедливый’, *könilik* (уйг.) ‘прямота’, ‘справедливость’; *шәрр жауузлїқ* (140^б, 17) ‘зло’; *джавиданә мәңү* (142^б, 2) ‘вечный’; *улам артуқлуқ* (8^б, 7) ‘излишек’, ‘прибавление’ [ср. Мал., 438 *ulam* ‘постоянно’ в «Хибат ал-хақә’иқ», монг. *ulam* ‘еще’, ‘гораздо’; туркм. *уламак* ‘прибавлять’]; *қамуб јумбі* (25^б, 2) ‘все’ [ср. Мал., 410 *qamıq* ‘все’, ‘всё’, ‘весь’; стр. 390 *итду* ‘вместе’; МК, 96 *јуму* ‘все’; РСл. III, 582, *јумбы* (уйг.) ‘все’]; *туқәл ја́тпру* (60^б, 20) ‘полностью’, ‘совершенно’ [ср. Мал., 387 *jätprü* ‘точно’, ‘совершенно’, Gab., 355 *yitärü* ‘достаточно’]; *әврә јана* ‘снова’, ‘опять’ [*јарїні күн әврә јана аш суғ еттүрді* (28, 26) ‘на завтрашний день снова велел приготовить еду и питье’.—Ср. Мал., 1367 *әврә*]; *аз әксүк* (39, 30) ‘мало’, ‘меньше’; *қопсаң ја’ні өрә турсаң* (58, 4) ‘если встанешь, т. е. если поднимешься’; *алтїн ја’ні арқа* (12^б, 7) ‘спина’, т. е. ‘зад’; *каһін ја’ні хам* (57, 5) ‘чародей’, т. е. колдун’; *бачїб ја’ні шәһәдәт* (16, 11) ‘свидетельство’; *розї ја’ні јәмліг аш* (2, 5) ‘пропитание’, т. е. ‘еда, которую кушают’; *әкін ја’ні данә* (64^б, 9) ‘посев’, т. е. ‘зерно’ и т. д.

Различия в лексике тефсира обнаруживаются с наибольшей силой в тех случаях, когда разные слова употребляются в однотипных словосочетаниях, например: *андағ сандї кім* (132, 16) ‘так подумал (он), что’, *мән әјлә сандум кім* (138, 17) ‘я так подумал, что’; *әрмәс әрді һеч нәрсә* (15, 4) ‘не был он ничем, ничего из себя не представлял’; *тәгүл әрді ол кішіләр кім кафир турур* (140, 3) ‘не были эти люди [ничем], разве как неверными’ и т. д.

Наличие парных словосочетаний и некоторая неоднородность в словаре характерны и для других памятников XI—XIV вв., особенно памятников переводного характера. В нашем тефсире с большой определенностью выделяется архаическая лексика, а также достаточно резко словам огузско-

туркменского происхождения противопоставляются восточно-тюркские слова.

По ряду морфологических и лексических особенностей язык тефсира очень близок языку «Хибат ал-хақә’иқ». В тефсире, как и в упомянутом памятнике XII в., нет винительного падежа на *-йб|ig*, в обоих памятниках имеются причастия на *-дуқ*, *-дачї*, *-блї*, много общего в лексике, например: *урам* ‘город’, ‘селение’ (в тефсире), ‘улица’ (в «Хибат ал-хақә’иқ»); *тоға* ‘слепой’; *будун* (в «Хибат ал-хақә’иқ» *будун*) ‘народ’; *укүш* ‘много’; *јанут* ‘воздаяние’; *ошут~обут* (в тефсире), *обут* (в «Хибат ал-хақә’иқ») ‘стыд’; *адїн* (*адїн*) ‘другой’; *асра* ‘внизу’; *табару* ‘по направлению’, ‘к’; *түкәл* (*түгәл*) ‘полностью’, ‘целиком’; *телім* ‘много’; *чїбај* ‘бедный’; *јарїн* ‘завтра’, ‘наутро’; *көни* ‘ясный’, ‘правильный’ и т. д.

В этой связи интерес представляет замечание проф. С. Е. Малова о том, что имеющиеся в языке «Хибат ал-хақә’иқ» языковые новшества «объясняются географически — местом написания памятника: Самарканд»²⁸. Несмотря на то что известный нам список «Хибат ал-хақә’иқ» относится к XV в., языковые новшества в этом памятнике проф. С. Е. Малов склонен считать уходящими своими корнями в глубь веков, так как на западе Средней Азии они появились в очень древнее время.

IV

Архаическая лексика тефсира сближает язык этого памятника не только с языком «Хибат ал-хақә’иқ», но и с языком памятников XI в. «Кутадгу билиг» и «Диваном» Махмуда Кашгарского и с памятниками более раннего периода. Примерами такого рода архаической лексики могут служить: *арқару* (*арқуру*) ‘вбок’, ‘поперек’, *асїб* ‘польза’, *асра* ‘внизу’, *ашчу* ‘прежде’, ‘раньше’, *ал* ‘способ’, ‘уловка’, *ајаб* ‘почет’, *аду* (*азу*) ‘или’, ‘либо’, *әліг* ‘рука’, *әркин* и *әрки* ‘вероятно’, ‘возможно’, ‘может быть’; *әркліг* ‘сильный’, *әт-өз* ‘самость’,

²⁸ С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, стр. 321.

'сам', *бабърсақ* 'сострадательный', *әміз* 'высокий', *жіг* 'болезнь', *әктілә-* 'содержать', 'воспитывать', *ілк* 'начало', *ја* 'лук' (оружие), *јалавач* 'посланник', *јарін* 'утро', 'завтра', *јашлақ* 'очень', *јәмә* 'и', 'так же', *јумбі* 'весь', 'целый', *утру* 'напротив', *өрүң* 'светлый', 'белый', 'седой', *үск* 'пред', 'в присутствии', *баса* 'потом', 'затем', *бул-* 'находить', *еш* 'друг', *обуш* 'род', 'племя', *өгди* 'хвала', *хам* 'чародей', 'жрец', *қіқір-* 'кричать', *сақинч* 'мысль', 'расчет', *сагчи* 'посланник', *сү* 'войско', *тапуш* 'служение', *тәгрә* 'вокруг', 'кругом', *тобсуқ* 'восход', *тумлуш* 'холодный', 'студеный' и т. д.

Принципиальный интерес представляет вопрос о смешанном характере языка среднеазиатского тефсира и о наличии в нем элементов огузско-туркменских в фонетике, морфологии и словаре, на что уже указывалось выше. Специально в области словаря огузско-туркменские элементы обычно употребляются параллельно с восточно-тюркскими, например: *армәз* или *әрмәс* и *дәгүл* или *тәгүл* 'не' (отрицание), ср. *әрмәс әрди һеч нәрсә* (15, 4) 'не был он чем-либо', *ол дәгүл турур* (79^б, 10) 'он не тот'; *илгәрү* и *иләрү* 'вперед', 'прежде' и т. д.

Еще несколько примеров: *ард* 'спина', 'зад', ср. *олболур ардіндә бїјбат қїлур* (142^б, 1) *лумузату* (араб. *لُمُوزَاتُ*) 'это тот, [кто] хулит сзади (заглаза)'; *бірі бірі артінча јүгүрүр* (126, 5) 'движутся один позади другого', *ардіндін* (91, 19) 'сзади' и т. п.; *ачїрақ* [а:джїрак?] (63^б, 7) 'горше', 'более горький'; *қатї* 'крепкий', 'твердый', ср. *үч қурла қатї анд бәрдүкүң үчүн* (145, 17) 'поскольку ты трижды давал твердую клятву'; *ашақ* 'низ', 'вниз' [МК, I, 64 *ашақ* с пометой «гузск.», туркм. *ашак*, тур., азерб., крым.-тат. *ашаға*, АФ *ашаға* 'вниз']; *ашнуқї* (45^б, 11) 'прежний' [АФ, 068, «Мир-Али-Шир», 7]; *әја* 'хозяин', 'господин' [Zajaczk. Studia II, 7–9; туркм. *әе*]; *әјлә* (138, 17) 'так', 'таким образом' [МК *әйлә* (гузск.), туркм. *әйле*; *әлі* (*әлли*) 'пятьдесят'; АФ, 072; «Мир-Али-Шир», 16; туркм. *әлли*, азерб. *әлли*]; *бул-* 'находить' [так же Замахшари, № 2699, л. 156, 1; ср. «Мир-Али-Шир», 9; Мал., 374; АФ, 083]; *қурт* 'зверь', *қурт-қуш* (125, 12) 'птицы и звери' [МК 'дикое животное', АФ, 0104 волк']; *тодақ* 'губы' [«Мир-Али-Шир», 10; туркм. *додақ*];

кәләчи 'речь' [МК *кәләсї* (гузск.); Zajaczk. Studia, I, 134]; *сағаш* 'драка', 'сражение' [МК *сағашмақ* (гузск.); АФ, 097; РСл. IV, 426; туркм. *сәғеш* 'сражение']; *уқлат-* 'укладывать спать' [туркм. *уқлатмақ*; РСл. I, 1613 *уқла-* 'спать' (чаг.)] и т. д.

Такого рода двойственность в словаре нашего тефсира, т. е. наличие слов восточно-тюркского и огузско-туркменского происхождения, отнюдь не исключительное явление. Словарь среднеазиатского тефсира очень близок в этом смысле словарю «Муқаддимат ал-адаб» Замахшари (по списку Л. В. Вяткина и рукописи Института востоковедения АН Узб. ССР) и лексике других памятников, в том числе «Муҳаббат-наме» Хорезми, «Қисса-и Юсуф» Али. В поэтической лексике предшественников Алишера Навои — Лютфи, Атаи и др. — огузско-туркменская лексика также занимает достаточно большое место.

Все это, разумеется, не может быть сведено к одному источнику. Проф. П. М. Мелиоранский был готов огузско-туркменские элементы в словаре Ибн-Муханны, по данным пяти рукописей, которые были ему известны, признать древнеазербайджанскими и самый памятник отнести к памятникам древнеазербайджанского языка. По данным же новой шестой рукописи сочинения Ибн-Муханны, проф. С. Е. Малов решительно отнес его к памятникам «восточно-туркестанского, кашгарского, уйгурского» языка.

«Судьба сочинения Ибн-Муханны, — по словам С. Е. Малова, — была, оказывается, такова же, как и многих других восточных старых рукописей. Автор многократно переписывался, и каждый переписчик заменял непонятное ему своим, близким, понятным и все более новым»²⁹.

То же относится к сочинению Али «Қисса-и Юсуф». Это произведение XIII в. К. Брокельман с излишней торопливостью отнес к памятникам турецкой литературы, тогда как среднеазиатское происхождение «Қисса-и Юсуф» теперь едва ли вызывает сомнение³⁰.

²⁹ С. Е. Малов, *Ибн-Муханна о турецком языке*, — ЗКВ, III, л., 1928, стр. 247–248.

³⁰ См. сб. «Мир-Али-Шир», стр. 6.

Близость словаря среднеазиатского тефсира и словаря «Муқаддимат ал-адаб» Замахшари дает возможность с большой вероятностью предполагать о существовании значительной литературной деятельности в Хорезме в XII—XIV вв. Здесь, по свидетельству Ибн-Муханны, в начале XIII в. была составлена «большая книга» Мухаммеда ибн-Кайса о тюркском языке для хорезмшаха Джелал ад-Дина, а в XIV в. появилось стихотворное произведение Хорезми «Муҳаббатнаме». Позднее Алишер Навои отметил в своей антологии «Маджълис ан-нафа'ис» ученого Хусейна Хорезми, который писал на «хорезмском тюркском диалекте» (*хорезміча тюрк тілі білә*).

В Хорезме получила развитие огузско-туркменская диалектальная основа литературного языка, что нашло довольно широкое распространение в памятниках XII—XIV вв. Это обстоятельство отнюдь не является признанием определенного хронологического периода в развитии единого тюркского литературного языка в Средней Азии. Огузско-туркменская литературная традиция имеет более глубокие исторические корни.

Проф. П. М. Мелиоранский в свое время весьма скептически оценивал возможности лингвистического исследования произведений «чагатайской» литературы XV—XVI вв. в силу условности арабского алфавита, затрудняющего изучение «фонетики и этимологии» языка памятников этой эпохи, в силу того, что язык литературных произведений отличался значительной диалектальной пестротой, поскольку, наконец, писатели той эпохи искусственно архаизировали свой язык, подражая языку ранних памятников. Тут же П. М. Мелиоранский отметил и более существенное обстоятельство: тюркских «произведений XII, XIII и даже XIV века известно вообще очень немного»³¹.

Ныне исследование памятников XII—XIV вв. выдвигается как самостоятельная задача тюркского языкознания. Как уже отмечалось выше, проф. С. Е. Малов назвал эпоху XI—XIV вв. «переходным временем». Монгольское завоевание сильно из-

менило этнографический состав населения Средней Азии. Однако в завоеванных монголами областях монгольский язык не получил сколько-нибудь заметного распространения, за исключением, может быть, хулагидского Ирана, где монгольский язык сохранялся некоторое время. Отдельные группы моголов (аймаков) до сего времени сохранили свой язык в Хорасане и северном Афганистане. В улусах Джучи и Чагатай монгольский язык не был в употреблении, ханские золотоордынские ярлыки писались по-тюркски, происхождение монгольских глосс в бухарском списке XV в. сочинения Замахшари «Муқаддимат ал-адаб» пока не выяснено, но отмечен любопытный факт близости их к живому языку афганских моголов. Во всяком случае после монгольского завоевания процесс образования и развития тюркских литературных языков принял вполне определенный характер: в Поволжье, в Крыму и Закавказье, в Средней Азии и в Малой Азии возникли литературные центры и к XV в. сложилась диалектальная основа литературных языков: татарского, крымско-татарского, азербайджанского, староузбекского («чагатайского»), туркменского и турецкого.

Памятники XII—XIV вв. представляют интерес не только с точки зрения их преемственной связи с литературными языками и диалектами более ранних периодов. Все еще остается неясным, было ли существование в эту эпоху *д* (*δ*)-языка данью книжной традиции или он имел опору в живом языке (диалекте) в Средней Азии, близком «хаканско-тюркскому» (кашгарскому) языку, засвидетельствованному в памятниках XI в.

С известной определенностью можно предполагать, что книжная восточно-тюркская традиция в монгольскую эпоху поддерживалась не только уйгурскими писцами-бахши в официальных диванах, но и тюркской аристократией, отстаивавшей чингисидские культурные традиции кочевой монгольско-тюркской знати.

Староузбекский язык «чагатайской» эпохи тесно примыкает к восточно-тюркской литературной традиции, но основой его был *ј*-диалект или группа диалектов. Исследование памятников XII—XIV вв. должно прояснить очень сложную картину «диалектальной пестроты» в языке XV и начала XVI в., на которую указывал П. М. Мелиоранский.

³¹ П. М. Мелиоранский, *Араб-филолог о турецком языке*, СПб., 1900, стр. III—IV.

Становится все более очевидным большое значение огузско-туркменских элементов в памятниках XII—XIV вв. Происхождение памятников указывает на Хорезм, где издавна сложилась диалектальная основа местного литературного языка, связанного с огузско-туркменской периферией в низовьях Сыр-Дарьи.

Изучение лексики памятников XII—XIV вв. дает большой материал для истории узбекского языка, а также других тюркских языков, почему и представляется целесообразным выделить глоссарий среднеазиатского тефсира.

V

А. Эрдоган, представивший описание девяти тюркских переводов Корана, хранящихся в «Музее тюркских и исламских произведений», особо выделил список 1333 г. и очень категорично назвал язык этого перевода «огузско-тюркским»³².

В дальнейшем А. Инан убедительно доказал сходство списка 1333 г. и среднеазиатского тефсира. Однако в отношении языка обоих этих списков он пришел к другим выводам. По мнению А. Инана, в среднеазиатском тефсире имеют место огузские слова и формы, тогда как в списке 1333 г. такого рода огузских элементов мало³³. А. Инан приходит к убеждению, что язык трех старых переводов Корана, в том числе и среднеазиатского, есть литературный язык, употреблявшийся среди тюрк-мусульман Средней Азии в последний период господства караханидов. Это литературный язык таких произведений, как «Кутадгу билиг» и «Хибаг ал-хақā'иқ», который Махмуд Кашгарский именовал «хаканским», или «собственно тюркским», и который включал в себя слова и формы из диалектов огузов, кыпчаков и канглы. В XII—XIV вв. он стал общегосударственным литературным языком у всех тюрк-мусульман³⁴. Что касается специально языка среднеазиатского тефсира, то и

³² А. Erdoğan, *Kur'an tercümelerinin dil bakımından değerleri*, s. 47.

³³ А. Inan, *Eski türkçe üç Kuran tercümesi*, s. 15.

³⁴ А. Inan, *Eski Kuran tercümelerinin dili meselesi*, — «Türk Dili», N 7, 1952, s. 19.

здесь ввиду наличия в тефсире множества огузских и кыпчакских слов и форм А. Инан находит явное влияние огузского и кыпчакского диалектов и полагает, что список этого тефсира переписан в Хорезме лицом, близким к школе Замахшари³⁵.

Как уже отмечалось выше, А. Инан считает неправомерным связывать язык среднеазиатского тефсира с историей узбекского языка. Он находит даже противоречие в том, что прежде русские тюркологи относили этот тефсир к памятникам тюркского языка, а ныне причисляют к «материалам, относящимся к истории узбекского языка». Несомненно, заключает далее А. Инан, что узбекский язык есть тюркский диалект (язык), развившийся из древнетюркского (имеется в виду язык тефсира и других памятников) после XV в. Древнетюркский же язык есть одинаковое наследие узбеков, киргизов, казахов, туркмен и других тюркских народов³⁶. Мне кажется, что никакого противоречия здесь нет. В. В. Радлов полагал первоначально, что «чагатайский» язык был искусственным литературным языком, который, образовавшись вследствие ряда исторических обстоятельств, «теперь служит литературным языком восточных тюрков, говорящих очень различными наречиями». Далее В. В. Радлов указывал, что основанием «чагатайского» языка служил «литературный язык уйгуров, выработавшийся до влияния на них мусульманского образования и до нашествия на них монгольских племен». В дальнейшем «вместе с исчезновением племен, говоривших уйгурским наречием, совершился переворот и в литературном языке». Уйгурские слова и формы заменялись словами и формами «других среднеазиатских говоров»³⁷. Позднее, как уже говорилось, В. В. Радлов несколько изменил свою точку зрения, признав существование древнего диалекта, отличного от древнеуйгурского. Но, при всем том, его суждения оставались очень неопределенными. Именно поэтому А. Н. Самойлович намечал в 1914 г. в качестве очередной задачи точное установление «тех живых наречий, из

³⁵ Там же, стр. 20.

³⁶ Там же, стр. 22.

³⁷ В. Радлов, *Ярлыки Токтамыш и Темир-Кутлуга*, — ЗВО, т. III, вып. I, СПб., 1888, стр. 2.

которых развился, при участии другого более старого литературного языка, а также при участии литературного языка персидского, классический среднеазиатско-турецкий (тюркский. — *Ред.*) язык мусульманской эпохи, язык так называемый „чагатайский“, одним из главных создателей которого был уроженец Хорасана Мир-Али-Шир Неваи (XV в.)³⁸. А. Н. Самойлович признавал, что «всего ближе к „чагатайскому“ современный узбекский язык»³⁹. и что узбекский язык «идет на смену периода „чагатайского“⁴⁰.

Теория «единого литературного среднеазиатско-тюркского языка исламской эпохи», как уже говорилось выше, не может быть признана убедительной, так же как и сам термин обоснованным. А. Н. Самойлович считал, что среднеазиатско-тюркский литературный язык — это и есть чагатайский, «оформившийся в XV в. на смену языка уйгурского» с некоторыми незначительными архаическими элементами древнеуйгурскими и с более значительными огузско-туркменскими элементами, которые употребляются в стихотворном чагатайском языке в отличие от прозаического⁴¹. Но и при таком понимании среднеазиатско-тюркский язык представляется книжным языком, совершенно искусственным, не имеющим определенной диалектальной основы, на чем настаивал в свое время В. В. Радлов.

Пока не установлены достаточно убедительные факты, которые представили бы нам реальные диалектальные источники литературного староузбекского («чагатайского») языка XV—XVI вв., разумеется, будет существовать известное затруднение в отношении памятников предшествующего периода.

Бесспорно, что среднеазиатский тефсир примыкает по языку к памятникам XI—XIV вв., в основном представляющим

³⁸ А. Н. Самойлович, *Абду-с-Саттар казы. Книга рассказов о битвах текинцев*, СПб., 1914, стр. XV—XVI.

³⁹ Там же.

⁴⁰ А. Н. Самойлович, *К истории среднеазиатско-турецкого языка*, стр. 23.

⁴¹ А. Н. Самойлович, *Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе*, IV. *Чагатайский поэт XV века Атаи*, — ЗКВ, II, вып. 2, Л., 1927, стр. 262.

литературный *d//ð*-язык. Однако в нашем тефсире имеют место заметный переход *d//ð > j*, с одной стороны, и явственное огузско-туркменское или огузско-тюркское влияние, — с другой. Эти черты приближают среднеазиатский тефсир к памятникам староузбекской литературы XV—XVI вв. На этом основании допустимо привлекать наш тефсир в качестве материала для истории узбекского языка в широком смысле слова, хотя с таким же основанием самостоятельно могут быть выделены в тефсире и огузско-туркменские элементы в словаре и морфологии.

Узбекский язык претерпел большие изменения начиная с XVI в. в результате все более усиливавшегося диалектального смещения после массового расселения в Средней Азии шейбанидских узбеков. Но вместе с тем в современных узбекских диалектах и говорах — южнохорезмских, самаркандско-бухарских (не городов Самарканда и Бухары, как это из-за ненужной придирчивости пытаются представить некоторые узбекские диалектологи, а областей бассейна Зерафшана и Кашка-Дарьи), ташкентском, ферганских — обнаруживаются все новые доказательства их живой и реальной связи с языком литературных памятников XV—XVI вв. В. В. Радлов в «Опыте словаря тюркских наречий» отразил одну черту, общую, как он находил, для «чагатайского» литературного языка и современных узбекских городских говоров, а именно, отсутствие различия гласных *i* и *ï* под влиянием «иранизации». Это предположение пока ничем убедительно еще не подтверждено. Сейчас намечаются только некоторые линии преемственности и связи между отдельными памятниками XV—XVI вв. и более ранними. Большой интерес в этом отношении представляют словарные данные, и среди новых материалов многое можно извлечь для истории тюркских языков, в первую очередь для истории узбекского языка, из среднеазиатского тефсира.

В. В. Бартольд обратил внимание на слово *челеби* 'господин' в среднеазиатском тефсире. Слово это никогда не встречалось в памятниках среднеазиатского происхождения. А. Инан поспешил высказать предположение об огузском влиянии в нашем тефсире, поскольку слово *челеби* употребительно у «западных огузов» и не встречается в литературных и разговорных

языках Средней Азии⁴². Огузские элементы в среднеазиатском тефсире очевидны. Но уже проф. Кеprüлю М. Фуад отметил то существенное обстоятельство, что в среднеазиатском тефсире слово *челеби* употребляется в значении «господин», а не в религиозном значении («господь», «бог»), как это имеет место в Малой Азии⁴³. В частности, именно в религиозном смысле («аллах», «бог») слово *челеби* встречается постоянно в анонимном турецком переводе Корана, предположительно XIV в., наряду и в том же значении, что и *tengri*⁴⁴.

Таким образом, вопрос о происхождении и распространении слова *челеби* остается далеко не ясным.

А. Эрдоган привел в своем обзоре тюркских переводов Корана, хранящихся в «Музее тюркских и исламских произведений», список слов по рукописи 1333 г., представляющих собой древние тюркские переводы с арабского: *izi* 'бог', *bağirsak* 'милостивый', *tami* 'ад', *yüğünmek* 'поклонение', *turutkân* 'творец', *uğan* 'могущественный', *kün doğuşuğ* 'восток', *kök otu* 'молния', *jeşin* 'молния', *yâk* 'дьявол', *tanukluk* 'свидетельствование', *yazuk* 'грех', *jenut* 'воздаяние', 'наказание', *ör öz* 'сам', *çiğaylık* 'бедность', *budun* 'народ', 'племя', *belgü* 'знак', 'примета', *iğ* 'больной', *jala-vaç* 'посланник', *uçtağ* 'рай', *bitik* 'книга', *köni yol* 'прямой', 'истинный путь', *acun* 'мир', *kirtünmek* 'вера', 'верить', *çin sözlü* 'верный', 'искренний', *kün batışığ* 'запад', *kök atmak* 'гром', *küc kılmak* 'насилие', *yigräk* 'лучше', *koptak* 'восстание из мертвых', *kent* 'город' и т. д. А. Эрдоган справедливо относил все эти слова к наиболее древним в составе перевода⁴⁵.

Все перечисленные слова, за небольшим исключением, встречаются в среднеазиатском тефсире и, действительно, подводят нас вплотную к памятникам XI в. С другой стороны, В. В. Бартольд указал на наличие в среднеазиатском тефсире термина *mirzâdâ*, несомненно тимуридского време-

⁴² А. İnan, *Eski Kur'an tercümelelerinin dili meselesi*, II. — «Türk Dili», N 9, 1952, s. 15.

⁴³ Köprülü M. Fuad, *Türk edebiyati tarihi*, İstanbul, 1926, s. 192.

⁴⁴ А. Erdoğ'an, *Kur'an tercümelelerinin dil bakımından değerleri*, s. 49.

⁴⁵ Там же, стр. 48.

ни. Таким образом, лексический состав в нашем тефсире разновременный. А. İnan высказывает предположение, что толкования сур, рассказы на коранические сюжеты в среднеазиатском тефсире более позднего происхождения и, следовательно, должны отличаться и по словарю от более древних буквальных переводов. С этим трудно согласиться, пока не проделана большая работа по сравнительному изучению тюркских и персидских тефсиров. В среднеазиатском тефсире больше обращает на себя внимание различие первой части и второй, начиная с суры XLIX, причем во второй части заметно преобладание арабско-персидских слов, например: *şajtân* 'дьявол' (78⁶), *şarq* 'восток' (141⁶), *şâ-hâr* 'город' (133) и т. д. вместо соответственных: *jâk* 'дьявол' (38), *kün tubar* 'восток' (141⁶), *kând-улус* 'город' (39) и т. д.

За последние годы проделана очень большая работа в области истории тюркских языков вообще⁴⁶ и в части истории тюркских языков Средней Азии, узбекского и туркменского в первую очередь в особенности⁴⁷. Наибольший интерес вызывают, несомненно, те лингвистические исследования, в которых на конкретном материале решаются вопросы периодизации в развитии тюркских языков в период XI—XIV вв. с учетом конкретных грамматических и лингвистических признаков, несмотря на то, что исследователи пока значительно расходятся в своих выводах⁴⁸. Весьма значительным итогом исследования памятников XI—XIV вв. является также все большее признание роли Хорезма и местной

⁴⁶ Э. В. Севортьян, *Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков в СССР*, — «Вопросы методов изучения истории тюркских языков», Ашхабад, 1961, стр. 11—41. Б. А. Серебренников, *Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропеистике и в тюркологии*, — «Вопросы методов изучения истории тюркских языков», стр. 42—64.

⁴⁷ См. Н. А. Баскаков, *Тюркские языки*, М., 1960, стр. 178, прим. 129.

⁴⁸ См. А. М. Щербак, *К истории узбекского литературного языка древнего периода*, — Сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию», М., 1953, стр. 323; János Eckmann, *Çağatay dili hakkında notlar*, — «Türk Dili Araştırmaları Yılığı. Belleten», Ankara, 1958, S. 115—126.

диалектальной среды в развитии литературного языка XII—XIV вв. в Средней Азии⁴⁹. Словарные материалы среднеазиатского тефсира, наряду с другими памятниками XI—XIV вв., дадут возможность внести достаточную ясность в научные выводы о развитии тюркских языков Средней Азии в эту эпоху.

⁴⁹ A. Z. Validi. *Hwarezmda yazilmış eski türkçe eserler*, —«Türkiyat Mecmuası II», İstanbul, 1926, S. 33—71; «Nehcü'l-Feradis», I. Tıpkıbasım. Ön sözü yazan János Eckmann, Ankara, 1956, S. III—XII.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Условные сокращения	29
Глоссарий	33

Александр Константинович
Боровков

ЛЕКСИКА
СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ТЕФСИРА
XII–XIII вв.

*Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР*

Редакторы издательства *Е. А. Поцмузский,*
и Г. А. Давыдова
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректоры *М. З. Шафранская* и *О. Л. Щигорева*

Сдано в набор 26/IX 1962 г.
Подписано к печати 22/IV 1963 г.
А-05032. Формат 60×90^{1/16}
Печ. л. 23,9. Уч.-изд. л. 18,15 л.
Тираж 1450 экз. Зак. 1255.
Цена 1 р. 30 к.

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4